

Возможно ли начать жизнь заново, когда надежды уже не осталось? У каждого ли есть право на счастье? Что нас ждет в будущем и как на будущее влияет наше прошлое? Все ли так как кажется на первый взгляд? Для чего нам необходимы близкие люди? Мы думаем, что знаем ответы на все эти вопросы. Но так ли это?

Жизнь одна! Ее невозможно написать на черновик, а потом переписать на белое. Корректоры и ластики не смогут стереть наши ошибки. Жизнь одна. Невозможно переписать свою жизнь заново, но никогда не поздно начать все с чистого листа.

Часть 1:Прошлое

Ася.

Она чувствует, что умирает. Ее затягивает в черный водоворот. Небо несколько раз поменялось местами с землей. Звезды сыпались на нее и обжигали. Некоторое время назад она летала, отрываясь от своего тела, как вдруг что-то резко толкнуло ее вниз и прижало к земле.

Яна. 16 лет назад.

Молодая женщина звала акушерку, сдерживая схватки из последних сил. Интервал между ними составлял не больше минуты, не давая времени на отдых. Первый час с начала схваток Яна ходила по палате, при этом делая себе массаж поясницы. Еще час назад это немного отвлекало от мучительной боли и на какое-то время приносило облегчение. Но Яна уже чувствовала приближение последнего этапа родов, а врача все не было.

Это были вторые роды. Первые – пять лет назад – оказались «преждевременными,

скорыми». Так и было записано в обменной карте.

Яна помнила кислородную маску, с которой проспала около часа. Схватки оказались недостаточно сильными, и врачи были вынуждены ввести препарат для стимуляции родовой деятельности.

Но все роды рано или поздно заканчиваются, и на свет появился мальчик. Недоношенный, весом два килограмма триста грамм. Его тут же унесли и неделю держали в специальном устройстве для недоношенных новорожденных – кювезе. Еще две недели маме сыном пришлось провести в отделении для недоношенных младенцев. И наконец настал день выписки!

Все негативные эмоции и переживания за здоровье сына вскоре забылись, но на рождение второго ребенка Яна решилась только спустя пять с половиной лет. Очень уж хотелось доченьку.

Во время второй беременности уже опытная мама опасалась повторения осложнений и береглась, как могла: при хорошей погоде много гуляла, ела часто и понемногу, включая в свой рацион достаточное количество белка и клетчатки, при любой возможности отдыхала, сократив рабочие часы, старалась ограждать

себя от негативной информации. Дочка должна была родиться в мае. Сидя в очереди перед кабинетом врача, женщина настраивала себя только на хорошие новости. За исключением незначительных и непродолжительных неполадок со здоровьем, таких как небольшие скачки давления и некритичное снижение гемоглобина, в целом, вторая беременность проходила идеально. Минул первый триместр, пролетел второй, прошел и критический срок преждевременных родов. Яна успокоилась. Ушла в декрет и медитировала, готовясь к важному событию. Дочка еще до рождения была слишком активна и била маму пока еще крохотными ручками и ножками. Яна разговаривала с малышкой, гладила живот, уговаривала успокоиться. На какое-то время это помогало.

Муж работал, родители навещали, мама Яны развела бурную деятельность, наводя порядок там, где не могла физически или не успевала сильно потяжелевшая дочь.

Вторые роды длились считанные часы, и уже днем мамочку привезли в палату отдыхать.

Как оказалось, роды – не самое сложное испытание в жизни женщины. Яна осознала это только со вторым ребенком. Такая долгожданная доченька, куколка со светло-рыжим ежиком волос, небольшим носиком и

сморщенным лобиком. Глаза темно-серые, пока, как у самой Яны. Карий цвет глаз мужа по всем законам генетики считался доминантным и просто обязан был передаться детям. Но и старший, а теперь и младшая, наплевав на генетику с ее законами, унаследовали серые глаза матери и ее же светлые волосы.

В первый же день эта куколка устроила маме бессонную ночь. Не спала ни минуты, плакала, то жалобно поскуливая, то надрывно и пронзительно. Измученная мать, не понимая, на каком свете находится, носила дочь на руках, пытаясь успокоить колыбельными песнями и укачиваниями. И только под утро Яна и дочка уснули.

Ася.

Опять туман. Густой, обволакивающий. Лезет в нос, в уши, оглушает, притупляет звуки, давит на веки, не дает открыть глаза. Голова неподъемная, как чугун. Руки и ноги живут своей отдельной жизнью, словно чужие.

«Мама! - хочется крикнуть Асе, но изо рта вылетает только стон и хрип. – Где ты, мама, братик? Почему я не с вами? На уютном диване, покрытом пледом с мишками. Где я?»

Яна.

Вторая ночь прошла спокойнее. Молоко еще не пришло, а дочь просила, сначала тихо попискивая, как котенок, потом громче, настойчивее и наконец требовательно, с повизгиваниями. Яне пришлось обратиться к соседке по палате с просьбой покормить и ее малышку. Полина родила на несколько часов раньше и кормила дочь по расписанию. Сейчас ее девочка спала, довольная и сытая в детской кроватке.

Мамочки успели познакомиться и поделиться насущными семейными проблемами.

И у одной, и у другой это были вторые роды. На третий день нахождения в палате женщины вовсю делились воспоминаниями о первых родах. И между новоиспеченными дважды мамочками практически не осталось секретов. Ситуация располагала к откровениям. Обе нуждались в поддержке и понимании. Накануне выписки Полина и Яна обменялись телефонами, договорились не терять друг друга из виду, по возможности встречаться и созваниваться. Даже дочек, не сговариваясь, они назвали почти одинаково: «Алеся» и «Алиса».

Несмотря на сходство имен, характеры малышей отличались, как штиль и шторм. Холеричная, шумная, взрывная Алиса и тихая, спокойная, флегматичная Алеся. Если первая подавала голос, требуя еды и внимания, настойчиво и во весь голос, то другая только еле слышно попискивала и мяукала, как котенок. Громогласные возгласы Алисы были слышны в соседних палатах и на посту медсестры. Мяуканье Алеси даже Полина замечала не всегда, и малышка, не дождавшись своей порции материнского молока, засыпала голодная.

Наступил день выписки из роддома. Первой палату покинула Полина, обещая звонить. На следующий день выписали и Яну с дочкой. Не зная, радоваться ей или плакать, женщина села в автомобиль к мужу и, шутя, пожаловалась:

- Похоже, с этой девочкой нам покоя не будет.

Крохотный комочек сморщил носик. Малышка как будто поняла, что говорят о ней, и закричала.

«Скорей бы домой, - мечтала Яна. - Дома и стены помогают. Будем надеяться, и дочка будет спокойнее».

Яна. Полина.

Первые несколько месяцев новоиспеченные подруги не встречались, только созванивались. И та, и другая приспосабливались к новому режиму. У Яны период адаптации был наполнен бессонными ночами, недостатком молока, криками и беспокойством малышки. Первые дни после выписки напоминали день сурка, а ночи не давали желанного отдыха. Сны, всегда разнообразные и сюжетные, как цветное кино, превратились в вязкие, прерывистые, после которых женщина просыпалась физически и эмоционально вымотанной. Старшего сына пришлось на время отправить к бабушке, на него совсем не оставалось времени, и Яна чувствовала свою вину. Но сейчас она была для него не лучшей матерью. Эмоционально нестабильная, к тому же практически засыпала на ходу. На прогулке не меньше тридцати минут приходилось носить малышку на руках, укачивая, чтобы через полчаса сна на воздухе та опять раскричалась. Женщина ощущала себя не помощницей, а, скорее, обузой для остальных членов семьи. Все ее время целиком и полностью принадлежало новорожденной дочери.

Полине в этом отношении повезло намного больше. Алеся родилась спокойной и уравновешенной. Буквально со второго месяца

спала ночами по шесть часов и днем засыпала сразу после каждого кормления. Полина за это время успевала справиться с домашними делами и даже прилечь днем. Материнского молока ее дочурке хватало с лихвой, животик не беспокоил. На улице Алеся спала всю прогулку, давая маме возможность почитать, поговорить по телефону или просто посидеть на лавочке, наблюдая за окружающими событиями.

Единственная, но от этого не менее серьезная проблема возникла у женщины со свекровью. Какое-то время после свадьбы и рождения старшего сына им с мужем пришлось проживать в квартире его мамы. Свекровь не принимала невестку вплоть до рождения внука. До этого она воспринималась ей как захватчица ее сына и ее территории. Полина предпочитала отсиживаться в комнате мужа, теперь их общей, и выходила только по необходимости. Сыну постоянно выговаривалось, что молодая жена ничего не умеет. После рождения внука свекровь смягчилась к невестке, но стала активно навязывать молодым родителям свои методы воспитания, с которыми Полина была категорически не согласна. Спустя четыре месяца тихой войны молодые переехали к маме Полины. Но и после переезда, а теперь и после рождения внучки, свекровь часто звонила, уверенная, что без ее советов, без ее